

Голосъ

Prix: 30 cent.

LA VOIX DU SOCIAL-DEMOCRATE.

Россійская Соціалъдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

СОЦІАЛЪДЕМОКРАТЪ

Годъ III.

Ноябрь 1910 г.

№ 23.

СОДЕРЖАНИЕ: Левъ Толстой. — Ф. Данз. Къ промышленному оживленію. — Д-онз. Дороговизна жизни и задачи соціалъдемократовъ въ Россіи. — А. Мартыновъ. С. Муромцевъ и его похороны. — К. Залевскій. Къ вопросу объ антисемитизмѣ въ Польше. — Л. М. Кадетская «свѣтлая борьба». — Д. Португальская революція. — Мартновъ. Куда пришли? — П. Аксельродъ. Источники разногласій между такъ-наз. партійцами и такъ-наз. ликвидаторами. — Антоновъ. Желѣзнодорожная забастовка во Франціи. — По Россіи: Москва. Баку. — Заявленія. — Открытое письмо женеваго идейнаго кружка большевиковъ. — Отчетъ и пр.

Левъ Толстой.

Умеръ Л. Н. Толстой. Тщетно синодъ изъ страха передъ „осложненіями и распрями“, которыя могутъ возгорѣться вокругъ имени великаго человѣка, посылалъ игуменовъ и старцевъ увѣщевать больного; тщетно митрополитъ Антоній возвѣщалъ, что онъ „непрестанно молится, чтобы Господь возвратилъ Толстого къ церкви“. Левъ Толстой остался глухъ къ лицемернымъ напѣвамъ православныхъ сиренъ. Онъ умеръ, какъ и жилъ, нераскаяннымъ отщепенцемъ отъ церкви.

Бѣгство восьмидесятидвухлѣтняго великаго писателя изъ Ясной Поляны дало пищу для всевозможныхъ догадокъ. Теперь таинственная завѣса спала съ событія. Л. Толстой, посѣтившій Оптиную пустынь, не намѣревался поступить въ монахи и тѣмъ искупить свои грѣхи передъ церковью. Но онъ рѣшилъ уйти отъ родной семьи и отъ міра, будь то въ монашескій, будь то въ духоборческій скитъ, и это несомнѣнно: вѣдь для писателя и мыслителя, приковавшаго къ себѣ вниманіе всего свѣта, тайное пребываніе въ заброшенномъ углу

отголоски «проклятыхъ вопросовъ», которые волновали въ ту критическую эпоху всю мыслящую Россію, которые взбудоражили также общественную совѣсть Толстого, нашли у него отвѣтъ, лежащій не въ плоскости историческаго прогресса, а въ плоскости мнимо-вѣчныхъ, абсолютныхъ истинъ. Критика соціальнаго зла, наличность котораго онъ такъ же живо ощущалъ, какъ передовые люди того времени, вызвала у него отвращеніе не только къ окружавшей его пустой и суетной, барской и свѣтской жизни, но отвращеніе къ «условной» цивилизаціи вообще; вмѣстѣ съ тѣмъ она вызвала у него преклоненіе передъ жизнью крестьянскихъ массъ, именно поскольку эта жизнь была чужда цивилизаціи, поскольку она была стихійной, роевой, поскольку она казалась ему воплощеніемъ «абсолютной» истины. Вѣчно рефлектирующій Толстой, правда, никогда не въ силахъ былъ порвать съ цивилизаціей, которую онъ возненавидѣлъ, и слиться съ народной стихіей, передъ которой онъ преклонялся. Но эти мотивы совершенно плѣнили его умъ и легли въ основу всего его художественнаго творчества, и благодаря этимъ именно мотивамъ, благодаря страстной аппеляціи къ „правдѣ“ безсознательной народной жизни противъ «гнилой» цивилизаціи такъ наз. общества, авторъ «Севастопо-

не поразило взаимному несоответствію между теоріей и практикой, въ немъ; такого несоответствія не знала совершенно западноевропейская социалъ-демократія въ періодъ своего образования. Этотъ неизбежный въ свое время интеллигентскій характеръ нашего движенія, эта чрезвычайная отсталость практики по сравнению съ теоріей наложила особый отпечатокъ на наше партійное развитіе и стала послѣдствиемъ источникомъ вѣчныхъ межеваній, являющихся также однимъ изъ главныхъ факторовъ партійной дезорганизации.

Цѣлое десятилѣтіе ушло на предварительную работу, на созданіе первоначальныхъ кадровъ для будущей социалъ-демократіи. Въ теченіе этого періода революціонные элементы, которые тяготѣли къ новому направленію, занимались лишь саморазвитіемъ.

Только около второй половины 90-хъ годовъ рабочая масса зашевелилась и начала бороться со своими эксплуататорами. На этой почвѣ интеллигенція, ведя экономическую агитацию, стала сближаться съ рабочими массами. Почти одновременно началось постепенное пробужденіе оппозиціоннаго духа въ средѣ земской и либеральной демократической интеллигенціи.

Совпаденіе этихъ двухъ явленій — сближенія интеллигенціи съ рабочими массами и подъема оппозиціоннаго настроенія въ такъ наз. обществѣ — открывало социалъ-демократіи возможность вступленія на путь развитія организационной и социально-политической самостоятельности рабочихъ. Когда я говорю — «организационная самостоятельность» — я имѣю въ виду не стихійное столкновеніе кучекъ рабочихъ съ полиціей, а самостоятельное воздѣйствіе передовыхъ рабочихъ на массу и планомерное пробужденіе ими массы къ организованному вмѣшательству въ общественную жизнь.

Я помню, что уже вскорѣ послѣ года 91 и 92 гг. я передъ Плехановымъ поставилъ вопросъ, возможно ли развитіе нашей с.-д.-ти въ организованную рабочую партію уже въ рамкахъ абсолютизма? Десять лѣтъ до того мы полагали, что наша работа лишь подготовительная къ тому времени, когда въ періодъ конституціоннаго преобразованія Россіи или непосредственно послѣ него социалъ-демократія сможетъ выступить, какъ открытая рабочая партія. Но уже къ началу 90-хъ гг. ясно было, что исторія у насъ движется черепачными шагами, что до паденія самодержавія пройдетъ десять, а можетъ быть, двадцать лѣтъ. Въ виду этого, говорилъ я Плеханову, мы должны спросить себя, не имѣются ли уже теперь при абсолютизмѣ такіе легальные зачатки, которые дали бы возможность пролетариату открыто проявить себя въ общественно-политической жизни? Нужно использовать процессъ приспособленія абсолютизма къ новымъ экономическимъ условіямъ — для развитія рабочаго движенія въ тѣсной связи съ борьбой противъ абсолютизма. Прежде всего я указывалъ на необходимость для насъ найти опору въ легальной печати для подготовленія широкихъ круговъ рабочихъ къ воспріятію нашихъ идей. Даже зап.-европ. соц.-дем. партіи не въ силахъ были сразу создать свою прессу и принуждены были пользоваться буржуазной прессой, которую они, конечно, разъясняли по своему. Необходимо имѣть свой публицистическій органъ печати, въ которомъ мы могли бы, подобно пародикамъ въ «Отечествѣ Зашекаха», проводить свои взгляды. Нужно, говорилъ я, направить вниманіе передовыхъ рабочихъ на то, чтобы они производили систематическое давленіе на легальную демократическую печать и на либеральныя издательскія фирмы, чтобы они заставляли ихъ служить интересамъ умственного и политич. воспитанія раб. класса. Между прочимъ, когда въ 1896 г. возникъ вопросъ о посылкѣ рабочей делегаціи на интернаціональный конгрессъ, я въ письмѣ къ московскимъ товарищамъ показывалъ, какъ на этой почвѣ можно вызвать открытое движеніе среди рабочихъ, и какъ они могутъ по этому поводу заставить заговорить легальную печать. Въ такомъ же смыслѣ я предлагалъ использовать все органы и проявленія общественной самостоятельности либеральныхъ слоевъ для организаціи пролетариата въ самостоятельную общественную силу. Это уже была настоящая «легалистская» ересь, и Плехановъ со мною тогда соглашался.

Разумѣется, на теперешній русскій масштаб все это были маленькія дѣла. Но я вспоминаю слова Якоби: «Основаніе самаго маленькаго рабочаго союза имѣетъ большее культурное значеніе, чѣмъ битва при Садовой», и слова Маркса: «Важнѣе всего, чтобы пролетариатъ учился ходить безъ посторонней помощи». Если Якоби и Марксъ придавали такое значеніе самымъ мелкимъ проявленіямъ организованной самостоятельности рабочихъ въ Германіи конца 60-хъ гг., то какое огромное значеніе эти проявленія должны были имѣть въ Россіи въ 90-хъ гг. — при всеобщей политической подавленности населенія и тогдашней отсталости нашего пролетариата!

Конечно, все такого рода «легальныя» начинанія имѣли бы тогда огромное значеніе, лишь постольку съ ними не связывали бы представленія, какъ о дѣятельности мирной, безопасной, культурнической, и я тогда же указывалъ, что идущіе на это дѣло должны быть готовы подвергаться гонѣніямъ, преслѣдованіямъ, арестамъ такъ же, какъ и дѣтели подполья. Но развѣ почтеніе или политически плодотворнѣе быть арестованнымъ за распространеніе нелегальныхъ брошюръ въ небольшихъ кружкахъ, чѣмъ за открытое заявленіе своихъ требованій передъ массой? *)

Очень скоро, однако, для меня выяснилось, что интеллигенція, которая должна была бы пропагандировать эти задачи, не только не была подготовлена еще политически къ ихъ осуществленію, но не понимала даже ихъ смысла. Я началъ бояться, что при попыткахъ осуществленія этихъ задачъ интеллигенція просто окажется на побѣгушкахъ у либераловъ. Такъ, между прочимъ, мою мысль истолковывали въ томъ смыслѣ, что с.-д.-ая интеллигенція должна стараться занимать хорошія мѣста на общественной и государственной службѣ.

Изъ жизни нелѣпнаго истолкованія я пересталъ вести эту пропаганду, и только во время созыва Лондонскаго съѣзда 1903 г. я на частныхъ совѣщаніяхъ съ иѣкорными делегатами опять пытался возбудить вопросъ о реформированіи нашей партійной практики въ указанномъ направленіи. Но партія была еще настолько отстала, что этимъ вопросомъ не интере-

совались, о самостоятельности пролетариата не задумывались, говорили лишь о необходимости создать идеальную, совершенную организацію для наличныхъ партійныхъ элементовъ, т. е. фактически для с.-д.-ой интеллигенціи. Партія въ то время сложилась уже въ довольно солидный организмъ съ центральнымъ комитетомъ, совѣтомъ и пр. Но тогда же я писалъ Карлу Каутскому, что не существуетъ никакого соответствія между сложнымъ вышнимъ организационнымъ аппаратомъ нашей партіи и ея уровнемъ развитія и примитивной практической дѣятельностью, что она мнѣ напоминаетъ ребенка, на котораго одѣли цилиндръ и фракъ. Онъ путается въ длинномъ платьѣ, цилиндръ лѣзетъ ему на лицо. Это не то, что огромная организованная германская партія, гдѣ въ Vorstand'ѣ сидятъ Бебель, Ауэръ и др., прошедшіе богатую политическую школу и являющіеся естественно вождями пролетариата. У насъ получилось внутреннее противорѣчіе. Партія оказалась въ видѣ значительной организаціи непролетарскихъ элементовъ, опирающихся на рабочія массы, сами же эти массы остались въ стихійномъ состояніи, а ихъ болѣе развитые представители — въ подчиненной роли помощниковъ, направляемыхъ и опекаемыхъ этими элементами. Революціонная энергія массъ являлась источникомъ силы не ихъ собственной организаціи, а революціонной интеллигенціи, которая составляла партію *).

Противорѣчіе, присущее нашей партіи, стихійно прорвалось на Лондонскомъ съѣздѣ, который неожиданно для всехъ закончился расколомъ. Съ тѣхъ поръ начинается не прекращающаяся борьба двухъ фракцій, изъ которыхъ одна все болѣе сознательно стремится къ устраненію указанного противорѣчія, другая же борется за сохраненіе стараго режима. Новѣйшій лозунгъ — борьба съ ликвидаторами — является лишь прикрытой попыткой спасти старый, пережившій себя партійный режимъ.

Желѣзнодорожная забастовка во Франціи.

Тяжелымъ опытомъ пораженій приходится пролетариату Франціи усваивать азбуку классовой борьбы.

Октябрьская забастовка желѣзнодорожниковъ является однимъ изъ такихъ предметныхъ уроковъ.

Движеніе французскихъ жел. дор. было направлено противъ пяти частныхъ компаній и предпринимателей-государства. Желѣзнодорожныя компаніи во Франціи объединены въ Тайный Синдикатъ, и во главѣ ихъ видѣются представители старой родовитой и богатой Франціи вкупѣ съ современными банкирами и, прежде всего, семействомъ Ротшильдовъ.

При экономической, а, какъ слѣдуетъ ей, и политической самостоятельности мелкой буржуазіи, и при слабой организованности движенія рабочаго класса, крупный капиталъ является во Франціи фактически распорядителемъ министерствъ.

Министерство «трехъ ренегатовъ» только болѣе откровенно вело линію подавленія классовой борьбы пролетариата въ угоду промышленнымъ и финансовымъ магнатамъ. Является само крупнымъ жел.-дор. предпринимателемъ (на линіяхъ государства занято до 60,000 изъ общаго числа 319,000 жел. дорожниковъ въ 1909 г.), оно слѣдовало по отношенію къ ж.-д. персоналу общей съ компаніями тактикѣ.

Требованія, выдвинутыя жел.-дорожниками Франціи, не были очень высокими — англійскіе и (отчасти) германскіе жел.-дорожники имѣютъ уже болѣе того, чего добивались французы. Доходы компаній огромны.

Однако, компаніи рѣшили не уступать требованіямъ персонала; онѣ явно провоцировали его стачку, чтобы разрушить его организацію, и доканать ее проведеніемъ закона, лишающаго жел. дор. рабочихъ права стачки. Онѣ знали, что въ этомъ пунктѣ могутъ исполнѣ положиться на большинство депутатовъ Палаты.

Радикалы, въ своемъ неудобномъ положеніи между молотомъ пролетарскаго движенія и наковальней экономической мощи крупнаго капитала, чрезвычайно отзывчивы на всякое стремленіе обуздать рабочій классъ.

Право же стачки рабочихъ на такъ наз. «общественно-полезныхъ» предпріятіяхъ ихъ озабочиваетъ особенно тѣмъ болѣе, что въ экономическую программу радикаловъ входитъ расширеніе государственнаго хозяйства. На это обстоятельство могли смѣло разсчитывать и компаніи и Гріанъ.

Что же могли противопоставить желѣзнодорожники столь мощной коалиціи враждебныхъ имъ силъ?

Солідарность всего пролетариата?... Но даже крайніе синдикалисты передъ стачкой открыто выражали сомнѣніе въ томъ, чтобы при наличной организованности французскихъ рабочихъ они могли поддержать движеніе желѣзнодорожниковъ. «Желѣзнодорожники должны разсчитывать только на себя» — вотъ общее заключеніе рѣшительно всехъ синдикалистскихъ органовъ безъ различія оттѣшковъ.

Разсчитывать на себя, это означало прежде всего — на свою готовность вести борьбу до конца, опираясь на громадное значеніе желѣзныхъ дорогъ въ развитой промышленной странѣ.

Но именно громадное значеніе жел. дор. во Франціи *) создавало для данной стачки совершенно особое положеніе. Вызвая всеобщеестройство въ промышленной жизни страны, пріостановку цѣлыхъ отраслей промышленности, поднимая цѣны на жизненные продукты и т. д. и т. под., продолжительная желѣзнодорожная стачка можетъ протекать въ атмосферѣ общественнаго сочувствія лишь въ эпоху общаго глубокаго недовольства массъ (какъ это было въ октябрьскіе дни въ Россіи), или явно очевидной справедливости требованій жел.-дорожниковъ. А безъ такого сочувствія продолжительная стачка желѣзнодорожниковъ невоз-

*) Въ слѣдующемъ рефератѣ П. Б. Аксельродъ, возвращаясь къ исторіи Лондонскаго съѣзда 1903 г., упоминаетъ про одинъ фактъ, который въ то время особенно поразила его, какъ симптомъ оторванности нашей партіи отъ рабочихъ массъ. Какъ разъ во время засѣданій Лондонскаго съѣзда, на югѣ Россіи, стихійно разразилась наша первая грандиозная всеобщая забастовка. Во всякой зап.-европейской пролетарской партіи это побудило бы часть делегатовъ немедленно же отпавиться на мѣсто дѣйствія. Но у насъ ни одинъ делегатъ не покинулъ ради этого съѣзда, хотя делегаты были, конечно, въ большинствѣ своемъ добрыя революціонеры.